

Сердцем

Повторенный звук

Представить Россию без этого голоса? Невозможно! Помню детство, когда веселыми нотами будили тебя частушки — усадница с улицы соревновалась, кто кого перепоеет. Все девчата стремились петь, «как Мордасова». Если же хотели отметить какую-нибудь певунью, то так и говорили — «почти Мордасова».

С народной артисткой СССР Марией Николаевной Мордасовой давно знакомы, и мне не надо задавать вопрос, в чем секрет ее популярности. В душевности, в огромной любви к человеку — каждая строчка, каждая нота пропущены через сердце, знавшее и горе, и радость. Мне вся ее жизнь представляется музыкой единого дыхания русского крестьянства, музыкой, еще не написанной, да и вряд ли найдется такой гений, чтобы тяжелейшую биографию переложить в звуки, от которых сердце исходило бы и слезой, и радостью одновременно.

Звоню, чтобы поздравить с юбилеем.

— Уморили меня, уморили! Ведь один знает, что я родилась первого февраля, а другие — что четырнадцатого...

И начинаются грустные воспоминания, сетования на то, что ни к чему, прошла пора дни рождения отмечать.

— Кто и когда в наше былое время знал о том, когда он родился? Мама никогда об этом не вспоминала. Вот соседка — та по каким-то своим приметам помнила о том, когда я на белый свет появилась, довела меня, тянула за уши и одаривала двумя куриными яичками. Так и запомнились эти дни — уши надранные да этот подарок. Бывало так, что в год, кроме этих двух яичек, и никакой радости... Семья большая, голодно жили. Время на Тамбовщине нелегкое было. Антоновичку помню — жестоности сколько, крови... Однажды налетели, вынесли из избы все подчистую... Такие, видать, мы жалкие и убогие были, что даже один бандит сжалился.

«Давайте, — говорит, — хоть одеяло оставим — дети позамерзают...». Его дружки отрутали и уснакали... Памятно, как дедушки они запероли до смерти кнутами... В глазах стоит, как тринадцать человек заперли в хлев, искололи их штыками, а потом хлев подожгли... А мы ведь детьми были, все это видели. Или вот это разве забудешь? Прямо напротив нашего окна двоих мужиков заставили себе могилу рыть. Вырыли, поставили их на колени... И тут к од-

ному девчужна, дочечка его маленькая, откудато-то выбежала... Стоит он на краю могилы перед смертью на коленях и дитя свое родное напоследок жалеет, целует...

Я сейчас Шолохова читаю. Такой вот талант человеку нужен, чтоб умел рассказать о пережитом-виденном. Будем знать и помнить — сильнее будем... Эх куда меня! Ведь о дне рождения начали... Так вот, по своей памяти, когда нужны были документы, я и записалась первого февраля, а уж потом, много лет спустя, мама и сказала мне точную дату рождения.

...И вновь, как в обычный наш будний разговор, о делах речь, о делах. Не успевает, не успевает... Надо отработать номера, которые войдут в фильм, — о ней киноленту снимает киностудия «Экран». Надо заканчивать работу над новым сборником частушек. Надо подготовить материал для книжки, которую пишет о себе.

— Трудно мне работать с печатным словом — с песней да частушкой привычнее. Выйдешь на сцену, так и кажется, что голосом все снажешь... Вот если бы можно было все так и оставить — с голосом моим, со вздохами, со смехом да со слезами... Нет, не все терпит бумага.

— Мария Николаевна, а какая самая приятная радость в последние дни была?

— Не радость, а праздник! Настоящие именины сердца! В аккорат к моему дню рождения приехала в Воронеж моя давняя подруга Людмила Георгиевна Зыкина, мил-человек, редко такие бываю вечера... Посидели мы с ней, поспоминали, а потом петь стали. Да так хорошо получились! Столько мы друг другу песен напомнили — тех, которые уж теперь никто и не поет. Вот бы нам с ней записать совместную пластинку! А потом пошла на ее концерт. Думала, посижу тихонько, послушаю, так что она устроила! Будто не ее люди пришли слушать, а смотреть, как меня Зыкина чествовать будет. Как она обо мне хорошо говорила — там такие слова были заветные, что не выдержала я да и расплакалась от счастья...

Э. ЕФРЯМОВ,
наш соб. корр.

ВОРОНЕЖ.

● Народная артистка СССР М. Мордасова.
Фото М. Рогозна.